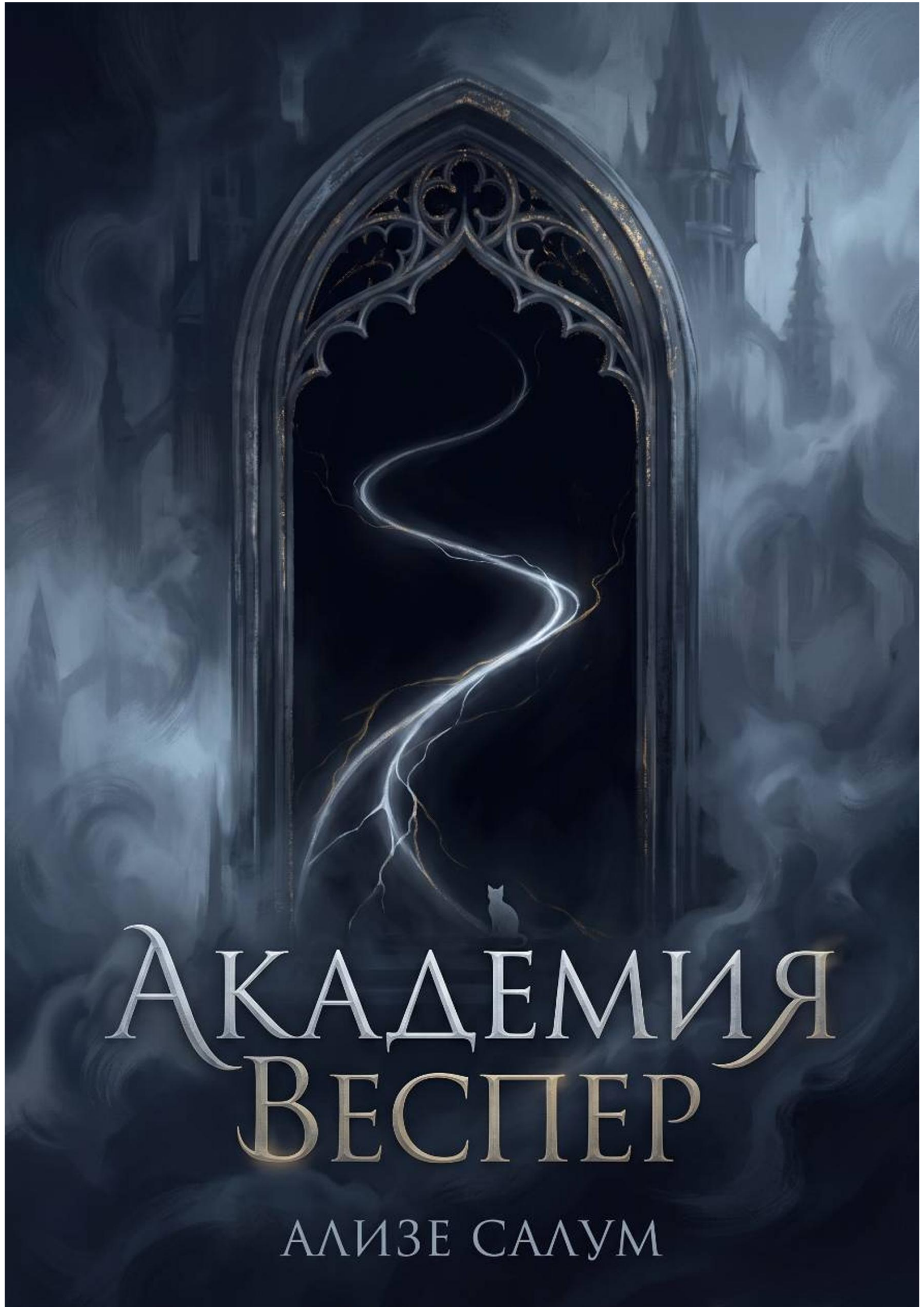

АКАДЕМИЯ ВЕСПЕР

АЛИЗЕ САЛУМ

Ализе Салум

Академия Веспер

«Автор»

2026

Салум А.

Академия Веспер / А. Салум — «Автор», 2026

Эвелин собиралась успеть на пары после обычного визита к ветеринару. Но поезд без номера маршрута увозит ее туда, чего нет ни на одной карте - в Ноктарис, город между мирами. Здесь ее документы действительны, но самой Эвелин будто не существует. Ее кошка Морри внезапно получает статус фамильяра, давно пропавший друг оказывается частью этого мира, а единственным шансом избежать закрытой проверки становится Академия Веспер. У Эвелин есть всего семьдесят два часа, чтобы закрепиться в чужом мире, найти дорогу домой и понять, почему Ноктарис не может найти ее имя в своих записях. Но чем ближе она подбирается к ответам, тем опаснее становится вопрос: что на самом деле привезло ее сюда - и почему кто-то уже ждал ее в поезде?

© Салум А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поезд без расписания	5
Глава 2. Станция Ноктарис	10
Глава 3. Город, которого нет на карте	18

Ализе Салум

Академия Веспер

Глава 1. Поезд без расписания

Ветеринар сказал, что Морри совершенно здорова, а потом выставил счёт, из которого следовало, что здоровье — одна из самых дорогих кошачьих привычек.

— Слышала? — сказала Эвелин, когда двери клиники закрылись за ними. — Ты здорова. Теперь постарайся хотя бы неделю ничего не есть с пола.

Из переноски донеслось недовольное «мрр»; между пластиковыми прутьями показалась серая морда.

— Именно такого уровня сотрудничества я и ожидала.

Морри сунула нос наружу, понюхала влажный августовский воздух и сразу передумала. Эвелин перехватила переноску другой рукой, чувствуя, как ручка уже начинает давить на пальцы, и проверила время.

До первой пары оставалось сорок семь минут. Если поезд придёт вовремя, она успеет без проблем; если нет, придётся писать преподавателю. Хуже всего будет, если Морри снова решит, что защёлка переноски — вопрос личного достоинства.

В кармане завибрировал телефон, и Эвелин слишком быстро вытащила его, надеясь увидеть письмо по заявке.

Вместо письма на экране появилось сообщение от мамы:

Оплати с семейной карты. Чек сфотографируй, пожалуйста.

Через несколько секунд пришло ещё одно сообщение:

Как Морри?

Морри уже заинтересовалась ремнём её сумки, пока Эвелин набирала ответ:

Здорова. Просто контроль.

Мама поставила сердечко, а почти сразу следом пришло сообщение от отца:

Мама сказала, всё хорошо. Сегодня поздно буду. Еда в холодильнике.

Эвелин набрала, что тоже вернётся поздно из-за учёбы и, возможно, останется в библиотеке. В ответ отец прислал большой палец вверх.

Она убрала телефон, но через несколько шагов снова достала его и открыла почту, где по-прежнему не было нужного письма.

Три недели назад Эвелин подала заявку на перевод на программу в другом городе. Она сама выбрала её, собрала документы, выпросила рекомендации и до половины третьего ночи воевала с сайтом, который трижды отказывался принимать один и тот же файл.

Теперь на странице заявки неизменно стояло:

Рассматривается.

Эвелин проверяла статус утром, после ветеринара и теперь снова; за всё это время слово на экране не изменилось.

— Отлично.

Морри тем временем добралась лапой до защёлки переноски, и Эвелин остановилась, чтобы поправить фиксатор прежде, чем кошка снова превратит дорогу в погоню.

— Даже не думай. Мы обе знаем, чем это заканчивается.

Кошка убрала лапу и посмотрела на неё с оскорблённым достоинством.

До станции они дошли за семь минут. В метро всё было на своих местах: мужчина спорил с турникетом, кто-то бежал вниз по эскалатору, двое студентов возле автомата обсуждали экзамен так громко, будто от результата зависела судьба страны.

На платформе Эвелин сверилась с табло: её поезд должен был прийти через две минуты. Цифра «2» сменилась на «1», экран моргнул, строки исчезли, а затем появилась надпись:

ПОЕЗД ПРИБЫВАЕТ

Под строкой осталось пустое место, где обычно показывался номер маршрута.

Из тоннеля потянуло прохладным воздухом, а через несколько секунд к платформе почти бесшумно подошёл старый состав: тёмные окна, металлические двери, тусклая полоса света под потолком.

Наверное, на линию выпустили резервный поезд — всё лето здесь что-то ремонтировали, и это объяснение пока устраивало.

Люди на платформе двинулись к соседним вагонам, оставив тот, что остановился перед Эвелин, почти пустым. До пары оставалось достаточно времени лишь при условии, что она сядет сейчас, поэтому редкие пассажиры казались слабой причиной искать другой состав.

— Нам подходит.

Морри, занятая собственным хвостом, не проявила возражений.

Внутри пахло мокрой тканью и металлом. Эвелин села возле двери, поставила переноску рядом и огляделась, пытаясь понять, почему вагон кажется непривычно тихим.

Напротив устроилась пожилая женщина в сером пальто. Дальше спал парень, прислонившись лбом к стеклу, а у противоположной двери стоял мужчина с большим старым чемоданом.

Когда двери закрылись и состав тронулся, Эвелин достала телефон и открыла конспект к семинару. Она успела прочитать полстраницы, прежде чем динамик над головой щёлкнул.

— Следующая остановка...

Голос захлебнулся шипением, после чего прозвучало:

— ...по требованию.

Над дверью горела знакомая схема маршрута, и никаких остановок по требованию на ней не существовало. Пожилая женщина напротив продолжала смотреть в окно и никак не отреагировала.

Через минуту поезд замедлился у знакомой платформы, где совпадало всё: название станции, реклама на стене, люди у колонн, — и это немного успокоило.

Двери открылись, спавший парень вышел, а Эвелин осталась на месте.

На следующей станции ей нужно было пересесть, поэтому она открыла приложение с маршрутом. Синяя точка висела между остановками и не двигалась; после перезапуска приложение сообщило, что местоположение определить не удалось, хотя индикатор сети всё ещё показывал связь.

Сбой GPS можно было списать на тоннель, странное объявление — на старый динамик, а сам состав — на ремонт линии. Пока всё это ещё можно было объяснить очень плохой работой транспорта.

Однако поезд уже ехал дольше обычного перегона и не замедлялся. Эвелин отложила телефон и обратилась к мужчине с чемоданом:

— Простите. Этот поезд идёт до Университетской?

Он повернулся к ней с выражением человека, которого отвлекли от важных мыслей.

— Уже нет.

— В смысле?

— Маршрут изменился.

— Когда?

Мужчина пожал плечами и на секунду посмотрел на переноску.

— Сегодня, видимо.

Морри снова просунула лапу к защёлке, и Эвелин накрыла фиксатор пальцами. Пока она возилась с кошкой, мужчина уже отвернулся.

— Не начинай.

Кнопка связи возле двери ответила только со второго нажатия: динамик зашипел, а затем в нём появился усталый мужской голос.

— Да?

— Подскажите, пожалуйста, где следующая остановка?

Пауза затянулась ровно настолько, чтобы Эвелин успела напрячься.

— Центральная.

Она выдохнула, потому что Центральную знала и оттуда могла пересесть на другую линию.

Через несколько минут за окном появился свет, а поезд наконец начал тормозить.

— Всё, — сказала Эвелин, поднимая переноску. — Выходим и забываем этот эксперимент городского транспорта.

Пожилая женщина напротив застегнула пальто и впервые посмотрела прямо на неё.

— Я бы вышла.

— Я и собираюсь.

Женщина кивнула так, будто именно этого ответа и ждала.

За окном появилась знакомая белая плитка Центральной, синие указатели и кофейный автомат возле колонны. Эвелин уже встала у двери, когда снизу раздался отчётливый щелчок.

Морри снова работала лапой возле защёлки.

— Эй.

Эвелин успела потянуться к дверце, но та уже распахнулась. Кошка вылетела наружу, прыгнула на пол вагона и, вместо того чтобы рвануть к открытым дверям на платформу, помчалась вглубь состава.

— Морри!

Эвелин бросилась следом, едва не задев переноской край сиденья. Кошка проскользнула через дверь в соседний вагон, а снаружи уже прозвучал сигнал отправления.

Платформа оставалась в нескольких шагах, и можно было выйти, найти сотрудника станции и объяснить, что кошка осталась в поезде; это было бы намного разумнее, чем бежать вглубь непонятного состава.

Где-то дальше мякнула Морри, и Эвелин стиснула зубы и шагнула в соседний вагон.

За спиной закрылись внешние двери, и Центральная поплыла назад. Через несколько секунд знакомая платформа исчезла за стеной тоннеля.

— Морри!

В конце вагона мелькнул серый хвост, и Эвелин ускорила. Следующая дверь открылась с усилием, зато за ней сразу стало понятно, что изменилось.

Этот вагон выглядел заметно старше предыдущего: пластиковых панелей почти не осталось, свет стал желтоватым, а вместо рекламных экранов под потолком висели пустые металлические рамки. Через переход за спиной всё ещё был виден современный и ярко освещённый вагон.

Эвелин задержалась лишь на секунду, пытаясь совместить два несовместимых вида одного состава.

— Морри.

Теперь в голосе уже не осталось раздражения.

Телефон больше не ловил сеть, а карта даже не открывалась. Из следующего вагона донёсся короткий кошачий звук, поэтому Эвелин убрала бесполезный телефон в карман и пошла дальше.

Морри сидела посреди прохода, выгнув спину и распушив шерсть.

— Иди сюда.

Кошка не двигалась и продолжала смотреть вперёд, поэтому только тогда Эвелин заметила человека в конце вагона. Он сидел у окна в тёмном пальто, положив руки на колени, и

смотрел в её сторону; лицо почему-то не удавалось толком рассмотреть, хотя расстояние было не таким уж большим.

— Ваша кошка, — сказал незнакомец.

Голос звучал спокойно, почти буднично, и от этого становилось только хуже.

— Да.

Эвелин сделала несколько осторожных шагов к Морри, которая попятилась, не сводя глаз с человека.

— Морри.

Присев, Эвелин протянула руку, и через несколько секунд кошка всё-таки подошла, позволив быстро подхватить себя и прижать к груди.

Морри дрожала.

От резкого кошачьего сердцебиения под ладонью Эвелин стало труднее убеждать себя, что ничего серьёзного не происходит.

Она выпрямилась и двинулась к двери, стараясь не поворачиваться к незнакомцу спиной. Когда створка открылась и Эвелин уже переступила порог, человек сказал:

— Вы всё-таки успели.

На мгновение она застыла, но желание оказаться подальше от этого вагона пересилило любопытство. Эвелин вышла, и дверь закрылась за ней; проверять, смотрит ли незнакомец вслед, она не стала.

Вернувшись в прежний вагон, Эвелин посадила Морри в переноску и дважды проверила фиксатор. Обычно кошка немедленно выражала протест против такого обращения, но сейчас даже не пошевелилась, и именно это напугало сильнее всего.

Поезд продолжал ехать, хотя за окном больше не мелькали стены тоннеля; там была только темнота и редкие полосы света. Эвелин больше не пыталась объяснять себе вагоны, маршрут или человека в дальнем конце состава — ей хотелось только выйти.

Динамик над дверью щёлкнул, и тот же далёкий голос произнёс:

— Конечная.

Когда поезд начал тормозить, за окном сперва появился свет, а затем платформа.

Станция была огромной, но взгляд цеплялся прежде всего за знакомые вещи: указатели, часы под сводом, людей, идущих по своим делам. Всё выглядело как нормальный вокзал, только не тот, который мог существовать на знакомой ей линии.

На ближайшей табличке крупно было написано:

НОКТАРИС

Под названием стояла более мелкая подпись:

Центральный межлинейный вокзал

Эвелин перечитала обе строки, но название города ничего ей не говорило.

Когда двери открылись, она осталась внутри, цепляясь за мысль, что поезд может пойти обратно. По платформе как раз прошёл мужчина в тёмной форме, и Эвелин постучала в стекло, стараясь привлечь его внимание.

— Простите!

Заметив Эвелин и переноску, он подошёл к вагону.

— Вы прибыли этим составом?

— Да. Кажется, произошла ошибка. Мне нужно обратно на станцию, где я должна была пересесть.

Его взгляд снова опустился на Морри.

— Выходите, пожалуйста.

— Этот поезд не идёт обратно?

— Нет.

— А следующий?

— Сначала вам нужно пройти регистрацию.

Эвелин осталась на месте, не понимая, почему разговор о возвращении вдруг превратился в разговор о документах.

— Какую регистрацию?

Мужчина помолчал, и в его голосе исчезла прежняя сухая вежливость.

— Вы впервые в Ноктарисе?

— Я впервые слышу это название.

Что-то в его лице едва заметно изменилось.

— Выходите.

Теперь это прозвучало не как просьба.

Эвелин шагнула на платформу, после чего двери сразу закрылись за её спиной, а поезд почти без задержки тронулся. Она смотрела ему вслед, пока последний вагон не исчез в тоннеле.

Возвращаться было уже некуда.

— Где регистрация? — спросила она.

Мужчина указал в сторону окон под тёмной вывеской:

ПРИБЫТИЕ И УЧЁТ

Эвелин поправила сумку и крепче взялась за ручку переноски, собираясь идти туда, когда Морри подняла голову и уставилась вправо. Проследив за её взглядом, она увидела у колонны парня, стоявшего к ней спиной: тёмные волосы, серая куртка, руки в карманах — ничего необычного, кроме того, как он чуть переносил вес на левую ногу. Когда-то Эвелин слишком хорошо знала этот жест.

В детстве Эйден сломал правую лодыжку, спрыгнув с крыши гаража после того, как Эвелин сказала, что он не решится. Хромота давно прошла, но привычка разгружать правую ногу осталась.

Парень повернул голову, и Эвелин увидела сначала профиль, а потом лицо — старше и резче, чем в её памяти, но ошибиться было невозможно.

Эйден исчез несколько лет назад.

— Эйден?

Глава 2. Станция Ноктарис

По резкому движению головы Эвелин поняла, что Эйден её услышал, хотя его лицо почти сразу исчезло за чужим плечом. Этот жест был слишком знакомым для случайности.

На мгновение толпа разошлась, и Эйден посмотрел прямо на неё. Потом между ними вклинился мужчина с чемоданом.

— Эйден!

Эвелин рванула вперёд, сразу почувствовав, как ручка переноски впивается в пальцы. Морри ударилась боком о пластиковую стенку и возмущённо мяукнула.

— Прости.

Между колоннами снова мелькнула серая куртка Эйдена; он уже уходил, не оглядываясь.

— Стой!

Эйден не остановился, и Эвелин протиснулась между двумя женщинами, задела плечом чужой чемодан и на ходу бросила извинение. Кто-то что-то сказал ей вслед, но общий гул вокзала проглотил слова.

Теперь странная станция ощущалась не декорацией, а препятствием. Люди вокруг двигались без колебаний: поток сам разделялся возле колонн, втекал в проходы, поднимался по широким лестницам. Колёса чемоданов стучали по каменному полу, под высоким сводом голоса сливались в плотный шум, а в толпе мелькали только отдельные части фигуры Эйдена: плечо, затылок, серая куртка между двумя тёмными пальто.

— Эйден!

На этот раз он чуть повернулся и снова исчез в толпе.

Эвелин ускорила шаг, несмотря на боль в ладони и недовольное движение Морри в переноске. Кто-то шагнул поперёк дороги, пришлось резко свернуть, но впереди уже снова показалась серая куртка.

До Эйдена оставалось метров десять, когда он свернул за массивную колонну.

Эвелин последовала за ним и резко затормозила: за колонной пространство расходилось сразу в несколько сторон. Слева начиналась лестница, справа тянулся широкий проход между металлическими ограждениями, прямо открывалась арка, за которой толпа становилась ещё плотнее.

Эйдена не было.

Она поднялась на носки, всматриваясь в людей.

— Эйден!

Обернулись несколько незнакомцев, но ни одного знакомого лица среди них не оказалось. Эвелин прошла вправо, затем вернулась к лестнице, пытаясь заметить серую куртку хотя бы ещё раз.

Морри тихо мяукнула, и Эвелин поставила переноску на пол, чтобы разжать онемевшие пальцы. Красные полосы от ручки уже пересекали ладонь.

Несколько лет от Эйдена не было ничего. Сначала она писала, потом звонила и спрашивала общих знакомых; со временем количество вопросов стало выглядеть унижительнее, чем отсутствие ответов.

И вот теперь он оказался здесь, на станции, которой не существовало, а затем снова исчез у неё на глазах.

Эвелин подняла переноску и уже сделала шаг к лестнице, когда за спиной раздался знакомый официальный голос:

— Девушка.

Тот самый мужчина в тёмной форме, который велел ей выйти из поезда, стоял в нескольких метрах.

— Я указал вам направление регистрации.
Эвелин всё ещё смотрела туда, где исчез Эйден.

— Я увидела знакомого.

— После регистрации.

— Он только что был здесь.

— После регистрации.

Ручка переноски снова неприятно врезалась в ладонь.

— Если я сейчас пройду регистрацию, я смогу вернуться сюда?

— После проверки вам объяснят, куда вы можете пройти.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу вам сказать.

Гул вокзала продолжал жить вокруг них: чужие шаги, далёкое объявление под сводом, стук колёс по камню. Лестница впереди уже полностью скрывала ту часть толпы, где Эвелин в последний раз видела Эйдена.

— Хорошо.

Мужчина указал в сторону окон под тёмной вывеской:

ПРИБЫТИЕ И УЧЁТ

Эвелин пошла туда, лавируя между пассажирами, которые не останавливались у указателей и двигались по станции с раздражающей уверенностью. Искать Эйдена вслепую хотелось больше, но впервые за последние полчаса у неё появился выбор между плохой идеей и процедурой, которая хотя бы выглядела официальной.

Если у станции была регистрация, значит, у неё были правила. А если были правила, должен был существовать способ вернуться.

Перед пятью окнами тянулась общая очередь. Эвелин встала последней, поставила переноску у ноги и стала наблюдать, что предьявляют остальные: женщина перед ней протянула сотруднику тонкую тёмно-зелёную книжку, следующий пассажир приложил ладонь к поверхности стойки, ещё один просто назвал фамилию.

Общей логики в процедуре не просматривалось, поэтому Эвелин достала паспорт, студенческий и водительское удостоверение. Эти привычные, выданные дома документы были единственной частью сегодняшнего дня, смысл которой она ещё понимала.

Морри зашуршала в переноске и снова нащупала защёлку.

— Даже не думай. Сегодня одного побега достаточно.

Пока очередь двигалась вперёд, общий шум вокзала становился глуше: высокая стойка и стеклянные перегородки отделяли сотрудников от пассажиров, а под ногами блестела тёмная каменная плитка, натёртая тысячами чужих шагов.

У дальней стены один из сотрудников приложил что-то к панели рядом с дверью. Створка открылась, пропустила его и мягко закрылась; со стороны зала ручки на ней не было.

— Следующий.

За свободным окном сидела женщина с туго собранными волосами и небольшим серебряным знаком на воротнике формы. Эвелин протянула ей паспорт, потому что из всех приготовленных документов он казался самым очевидным началом разговора.

— Документ прибытия.

— Это мой паспорт.

— Я вижу. Документ прибытия.

— Тогда что именно вам нужно?

Женщина открыла паспорт, сверила фотографию с лицом Эвелин и пролистала страницы.

— Этот паспорт подтверждает ваши данные, но не прибытие в Ноктарис.

— Потому что я не собиралась в Ноктарис.

— Но прибыли сюда.

— По ошибке.

Сотрудница положила паспорт на металлическую пластину.

— Полное имя.

Эвелин назвала его, уже начиная подозревать, что её обычный паспорт здесь значит гораздо меньше, чем должен.

По пластине пробежала тонкая светлая полоса и погасла. Женщина повторила проверку, затем попросила дату рождения и способ прибытия.

— Поезд.

— Номер маршрута?

Эвелин назвала свою линию, и пальцы сотрудницы замерли над панелью.

— Такого прибытия здесь нет.

— Именно это я пытаюсь объяснить.

Несколько секунд женщина изучала экран, а затем спросила уже о переноске:

— Животное ваше?

— Да.

— Поставьте переноску на площадку.

Возле стойки действительно находилась низкая металлическая поверхность, похожая на подставку для багажа.

— Зачем?

— Проверка сопровождаемого существа.

— Она кошка.

— Поставьте переноску, пожалуйста.

Эвелин не спешила выполнять просьбу, пока не поймёт, что собираются делать с Морри.

— Что именно вы проверяете?

— Статус. Без контакта и без изъятия животного.

Последнее уточнение было неприятно конкретным, однако Эвелин всё-таки поставила переноску на площадку. Морри сразу насторожилась и прижала уши, поэтому Эвелин просунула палец между прутьями, позволяя кошке ткнуться в него носом.

Когда сотрудница коснулась края панели, площадка коротко загудела, Морри дёрнулась, а по поверхности устройства прошла белая линия.

После появления текста женщина перестала печатать и перечитала результат ещё раз.

— Что? — спросила Эвелин.

— Возраст животного?

— Четыре года.

— Когда она получила этот статус?

— Какой статус?

Сотрудница подняла глаза от панели; её лицо оставалось непроницаемым.

— Фамильяра.

— Я не знаю, что это значит.

— Вы ничего подобного не оформляли?

— Морри — домашняя кошка.

Словно услышав имя, Морри высунула лапу между прутьями, и Эвелин поймала её за подушечку.

— Очень домашняя.

Сотрудница даже не улыбнулась, продолжая смотреть на результат проверки.

— Система определяет её как недавно возникшего фамильяра.

— Что это меняет?

— Пока не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро: до этого сотрудница почти не меняла выражения лица, а теперь перечитала результат и несколько секунд не убирала пальцы с панели.

— Подождите здесь.

Женщина потянулась за паспортом, но Эвелин придержала его.

— Паспорт останется у меня.

— Он нужен для проверки.

— Тогда я пойду с вами.

— Вам нужно ждать.

Эвелин ещё секунду держала паспорт за край, но в конце концов нехотя разжала пальцы. Сотрудница забрала документ, поднялась и ушла через дверь за стойками.

Эвелин осталась у окна и сперва просто следила за той дверью. Только спустя несколько минут она заметила, что очередь позади больше не двигается к её стойке: сотрудник в форме направил нового пассажира к соседнему окну, затем так же поступил со следующим.

Постепенно возле неё образовался пустой участок тёмного пола. Люди продолжали проходить метрах в пяти, передавали документы через соседние окна и уходили, но к стойке Эвелин больше никого не направляли.

Никто не поставил ограждение и не объявил её опасной; система просто начала изолировать её до того, как кто-либо объяснил причину.

Даже Морри перестала скрести переноску и сидела необычно неподвижно, поэтому Эвелин придвинула её ближе к ноге.

— Мне тоже не нравится.

За стеклом женщина с паспортом разговаривала с мужчиной постарше. Он несколько раз посмотрел в сторону Эвелин, потом на переноску и на экран, и от этой последовательности взглядов у неё стало холодно в животе.

Через несколько минут они вышли вместе. У мужчины было две серебряные полосы на воротнике, а в руке — паспорт Эвелин.

— Эвелин Марш?

— Да.

— Пройдите, пожалуйста, в боковую зону.

Он указал вправо, на ту самую тёмную дверь.

Теперь возле неё стоял другой сотрудник. Он приложил ладонь к панели, дверь открылась, показав короткий светлый коридор и ещё одну дверь в конце, а затем снова закрылась.

— Для чего? — спросила Эвелин.

— Дополнительная проверка обстоятельств вашего прибытия.

— Я уже рассказала обстоятельства.

— Нам необходимо подтвердить их.

Паспорт оставался в руке чиновника, а за его плечом ждала закрытая дверь.

— Сколько продлится проверка?

— Зависит от результата.

— Эту дверь запирают снаружи?

— Да.

После этого короткого «да» Эвелин уже не сдвинулась с места.

— Тогда я никуда не пойду, пока вы не объясните, что происходит.

В соседних окнах продолжали принимать пассажиров, где-то засмеялись, по полу проехал тяжёлый чемодан. Вокруг Эвелин по-прежнему оставалось пустое пространство, будто она уже стояла по другую сторону невидимой линии.

Мужчина перевёл паспорт из одной руки в другую.

— Ваши документы действительны, но здесь требуется ещё запись прибытия.

— Которой у меня нет, потому что я сюда неехала.

— Вы здесь.

— Я заметила.

— Если вы откажетесь от проверки, ваше перемещение будет ограничено до выяснения обстоятельств.

— Меня задержат.

— Вы останетесь в контролируемой зоне.

— То есть да.

Морри тихо мяукнула, и Эвелин опустила свободную руку на переноску, чувствуя под ладонью знакомую шероховатость пластика.

Ещё утром самым неприятным событием дня был счёт ветеринара. Теперь паспорт держал незнакомый чиновник, а ей предлагали пройти за дверь, которую она не сможет открыть изнутри.

— Господин Хейл.

Голос прозвучал справа негромко, но мужчина с паспортом обернулся сразу.

У соседней стойки стоял молодой человек, которого Эвелин раньше замечала только краем глаза. Пока она ждала, он был просто ещё одним пассажиром, занятым своими документами; теперь сотрудник напротив него замолчал, а Хейл выпрямился и ответил уже без прежней сухой резкости.

Незнакомец закрыл тонкую папку и передал ручку обратно через стойку. Он никуда не спешил, словно общий ритм вокзала на него не распространился.

На нём было тёмное пальто, чёрные волосы были убраны назад, а на фоне замолчавших служащих особенно выделялось его спокойствие. Подойдя, он скользнул взглядом по паспорту в руке Хейла, переноске у ног Эвелин и пустому участку пола вокруг её стойки.

— Господин Вальмонт, — сказал Хейл.

— Вы собираетесь оформлять закрытую проверку? — спросил незнакомец.

— Это не относится к вашему делу.

— Значит, собираетесь.

Хейл сжал губы, а незнакомец кивнул в сторону переноски.

— Что показала проверка сопровождаемого существа?

— Служебная информация.

— Недавно возникший фамилляр?

Тот же термин, который сотрудница назвала несколько минут назад, прозвучал из его уст слишком уверенно.

— Откуда вы знаете?

— Кассиан Вальмонт, — представился он. — Я слышал, как сотрудница назвала этот статус, пока был у соседней стойки.

— Понятно.

— У неё отсутствует запись прибытия, — вмешался Хейл, возвращая разговор к проверке.

— Совсем?

— Мы проверяем.

— И поэтому закрытая процедура.

— Это стандартный порядок.

Эвелин переставила переноску в другую руку, пытаясь избавиться от онемения в пальцах.

— Я всё ещё здесь.

Теперь Кассиан обратился непосредственно к Эвелин.

— Канцелярия не может подтвердить, каким образом вы оказались на станции, поэтому вас хотят оставить здесь до выяснения. Есть другой вариант — транзитное поручительство.

При словах о транзитном поручительстве Хейл заметно напрягся; по крайней мере, сам термин ему был хорошо знаком.

— Для спорного прибытия оно применимо, — продолжил Кассиан.

— При наличии основания.

Вместо ответа Кассиан кивнул на переноску с Морри.

— Подтверждённый новый статус сопровождаемого существа, действительные документы пассажира и физически подтверждённое прибытие.

— Нет маршрута.

— Именно поэтому прибытие спорное.

Хейл молчал достаточно долго, чтобы Кассиан спокойно продолжил:

— Если вы считаете механизм неприменимым, зафиксируйте отказ письменно.

После требования письменного отказа Хейл обменялся коротким взглядом с сотрудницей и не ответил сразу.

— Что такое поручительство? — спросила Эвелин.

— Семьдесят два часа, в течение которых вы остаётесь вне закрытой проверки.

— И могу уйти со станции?

— Да, если останетесь в Ноктарисе и будете доступны для Канцелярии, — ответил Хейл.

— К концу срока понадобится другое основание для пребывания, иначе проверка возобновится.

— То есть это отсрочка.

— Именно, — сказал Кассиан.

— А вы здесь при чём?

— Я буду поручителем.

— Зачем?

— Получу уведомления по вашему делу и доступ к материалам, относящимся к основанию поручительства.

— Почему они вам нужны?

— Потому что вы приехали без зарегистрированного маршрута, а поезд всё равно вас привёз.

— Это необычно?

Кассиан выдержал короткую паузу перед ответом:

— Настолько, чтобы я захотел понять, как это произошло.

Паспорт всё ещё оставался у Хейла, а Морри у ноги начала нервно мурлыкать, как делала у ветеринара. Семьдесят два часа не решали проблему, но другой вариант означал немедленную закрытую проверку.

— Что мне нужно подписать?

Сотрудница достала из ящика лист плотной бумаги. Эвелин прочитала его полностью и задержалась на пункте о досрочном прекращении: Кассиан мог завершить поручительство раньше срока, после чего она снова переходила под процедуру Канцелярии.

— Почему я должна доверять вам? — спросила она.

— Не должны. Сейчас вы выбираете между двумя процедурами.

Ответ не делал Кассиана надёжнее, но точно описывал её выбор, поэтому Эвелин взяла ручку.

— Если я найду способ вернуться домой раньше?

— При разрешённом выезде поручительство закрывается, — сказала сотрудница.

— Если выясню, почему поезд привёз меня сюда?

— Это может изменить порядок проверки, — ответил Хейл.

Она поставила подпись, решив больше не давать им новых деталей без необходимости. Сотрудница развернула лист к Кассиану, который поставил подпись ниже и подтвердил поручительство своей металлической пластиной.

Только после этого Хейл протянул паспорт. Эвелин забрала его слишком быстро, едва не выронив, открыла, проверила фотографию и лишь затем убрала в сумку.

Когда паспорт снова оказался в сумке, напряжение в плечах немного отпустило.

— Срок — семьдесят два часа с момента регистрации, — сказала сотрудница.

Три дня означали четыре задачи: найти Эйдена, понять, что произошло с поездом, выяснить, что не так с Морри, и вернуться домой. Сам список не решал ни одной проблемы, зато возвращал ощущение порядка, с которым Эвелин умела работать.

— Всё?

Вместо ответа сотрудница замерла над экраном и нажала одну клавишу, затем другую.

— Что?

— Секунду.

Хейл приблизился к панели, когда сотрудница перестала вводить данные.

— Проблема?

— Не формируется.

Кассиан тоже повернулся к экрану, и только тогда Эвелин почувствовала, как только что вернувшееся облегчение снова исчезает.

— Что не формируется?

Ответа не последовало, поэтому Эвелин подошла вплотную к стеклу, пытаясь увидеть данные через плечо сотрудницы.

— Покажите.

После короткой паузы женщина повернула панель.

На экране было имя Эвелин, дата рождения и данные паспорта, а следующая строка относилась к Морри:

Статус: фамильяр. Возникновение: недавнее.

Под этой строкой уже шли данные поручительства.

Эвелин прошлась взглядом по строкам, затем вернулась вверх, потому что не увидела того, чего ожидала.

— А моя запись где?

— Вот, — сказала сотрудница и указала пальцем.

Под данными паспорта оставалось пустое поле. Эвелин наклонилась ближе и перечитала строку, убеждаясь, что она действительно пустая.

— Что там должно быть?

— Повторите формирование, — сказал Хейл.

Сотрудница запустила проверку ещё раз, но поле осталось пустым. Тогда Кассиан попросил выполнить ручной поиск.

Женщина ввела имя и дату рождения, проверила результат и покачала головой.

— Записи нет.

— Ошибка? — спросил Хейл.

— Нет.

— Повреждённая?

— Нет.

— Объясните.

Хейл выпрямился и ответил только после короткой паузы.

— Поручительство зарегистрировано, данные паспорта и остальных представленных документов подтверждены, но корректной межмировой записи система не сформировала.

— Потому что я приехала не тем поездом?

— Нет.

За соседними окнами всё так же принимали людей, документы переходили из рук в руки, раздавались короткие сигналы устройств. Мир вокруг снова двигался нормально, только у их стойки никто уже не торопился.

— Тогда почему?

Хейл ответил после паузы, впервые за весь разговор не сославшись на процедуру.

— Мы не знаем.

Кассиан больше ничего не уточнял; ручной поиск уже дал тот же результат.

— Её нет, — повторила сотрудница.

Пустое поле оставалось на экране перед Эвелин. Имя, дата рождения и данные паспорта были указаны; даже Морри получила здесь официальный статус раньше, чем Эвелин успела понять значение слова «фамильяр». Только строка межмировой записи оставалась пустой.

— Что это значит?

Никто не ответил сразу, и этого оказалось достаточно.

Проблема была уже не в том, что Эвелин не знала, как оказалась в Ноктарисе.

Проблема была в том, что Ноктарис не знал, как здесь оказалась она.

Глава 3. Город, которого нет на карте

— И что дальше? — спросила Эвелин.

Хейл свернул окно проверки на панели и вернул её сотруднице.

— Поручительство уже зарегистрировано и остаётся действительным.

— Значит, семьдесят два часа всё ещё есть?

— Да.

Кассиан взял со стойки свою папку.

— Этого времени достаточно, чтобы попробовать оформить другое основание для пребывания.

— Какое? — спросила Эвелин, всё ещё думая о пустом поле записи.

— Веспер.

— Что это?

— Академия.

— Академия может исправить мою запись?

— Нет. Но может дать вам законное основание остаться после окончания поручительства.

Впервые после последней проверки прозвучало что-то похожее на практический выход, пусть и временный.

Хейл напомнил, что при любом изменении статуса Канцелярия должна быть уведомлена, и Эвелин только кивнула: условия поручительства она уже услышала достаточно раз.

Морри сидела в переноске, поджав лапы, и выглядела единственным существом в помещении, которому всё окончательно надоело. Эвелин подняла переноску и пошла следом за Кассианом, не желая оставаться у стойки дольше необходимого.

За пределами зоны регистрации воздух показался холоднее, хотя, возможно, дело было лишь в том, что здесь никто не держал её паспорт.

Кассиан шёл впереди, а Эвелин догнала его возле лестницы, переложив переноску в другую руку.

— Что именно должна сделать академия?

— Признать вас временной студенткой.

— И тогда Канцелярия меня не заберёт?

— У вас появится оформленное основание находиться в Ноктарисе. Этого должно быть достаточно, чтобы не возвращаться к закрытой проверке сразу после окончания поручительства.

— «Должно быть»?

— Ваш случай уже один раз не поместился в стандартную процедуру. Я не стану обещать то, чего не контролирую.

Такой ответ Эвелин нравился больше любого обещания, которое он всё равно не смог бы выполнить.

Они спустились на нижний уровень вокзала и вышли наружу, где шум платформ почти сразу сменился гулом улицы.

Перед Эвелин оказался город — настоящий и занятый своими делами.

Каменная мостовая ещё блестела от недавней влаги. Вдоль тротуара тянулись фонари, из открытой двери небольшой пекарни пахло горячим тестом и кофе, а люди выходили со станции, расходились по переулкам и останавливались у витрин.

Всё выглядело достаточно привычно, пока она не пыталась сложить детали вместе.

У старого каменного дома были современные стеклянные двери. Над арочными окнами горела тонкая световая вывеска, а по врезанным в мостовую рельсам прошёл узкий городской вагон.

Эвелин достала телефон, надеясь хотя бы привязать увиденное к карте. Вместо улиц приложение показало серый фон и синюю точку посередине пустоты; увеличение масштаба ничего не изменило.

— Поэтому Ноктариса нет на карте?

— На вашей карте — нет.

— А уехать отсюда через обычный вокзал можно?

— Не сейчас.

Эвелин убрала телефон, потому что смотреть на пустую карту было бесполезно. Ответ ей не понравился, но хотя бы не требовал расшифровки.

Кассиан свернул на широкую улицу, и она пошла рядом.

— Вы учитесь в Веспере?

— Да.

— И можете просто привести туда человека с улицы?

— Нет. Но у вас есть действительные документы об учёбе, временное поручительство и проблема, которую Канцелярия уже официально зафиксировала.

Морри в переноске снова начала умыться, демонстрируя полное кошачье равнодушие к разговору о собственном статусе.

— А Морри?

— Её статус тоже будет указан.

— Я всё ещё не понимаю, почему она вдруг стала фамильяром.

— Сегодня вам важнее решить вопрос с вашим собственным статусом.

Возразить хотелось, но список проблем и без того рос быстрее, чем появлялись ответы.

Кассиан не объяснял здания вокруг и не называл улицы, если это не касалось маршрута. Эвелин была ему за это почти благодарна: город и без экскурсии давал достаточно материала для новых вопросов.

Большинство прохожих выглядели совершенно обычно, пока какая-нибудь одна деталь не заставляла присмотреться. У мужчины, прошедшего мимо на перекрёстке, при разговоре показались непривычно острые зубы. Эвелин невольно проводила его глазами, и Кассиан это заметил.

— Лучше не разглядывать.

— Я стараюсь.

Этого пока было достаточно, а остальные вопросы могли подождать.

Улица начала подниматься, дома постепенно стали реже, а между ними появились каменные ограды и деревья. Переноска оттягивала руку, поэтому Эвелин снова переложила её.

— Далеко ещё?

— Несколько минут.

На этот раз Кассиан оказался точен.

Сначала показалась высокая тёмная стена, затем раскрытые ворота. За ними поднималась широкая дорожка, а выше по склону стояли несколько корпусов, соединённых переходами.

Самое большое здание было старым, каменным, с высокими окнами, но перед его ступенями сидели студенты и разрушали всякую торжественность происходящего.

Кто-то ел из бумажной коробки, двое спорили над раскрытой тетрадью. Парень и девушка тащили ящик с книгами и одновременно обвиняли друг друга в том, что второй держит хуже.

Из окна второго этажа кто-то высунулся.

— Ты забрал мои записи?

Ответ снизу не заставил себя ждать:

— Они были на моём столе!

— Это не делает их твоими!

Эвелин замедлилась, потому что впервые после поезда увидела место, которое казалось почти нормальным.

У Веспера была жизнь, начавшаяся задолго до её появления и прекрасно обходившаяся без неё. Студенты проходили мимо, почти не обращая внимания; несколько человек здоровались с Кассианом, и он отвечал короткими кивками.

Внутри пахло старым деревом, бумагой и чем-то травяным. Коридор был занят студентами: кто-то сидел прямо на полу у стены, кто-то переписывал что-то из чужой тетради, двери постоянно открывались и закрывались.

Эвелин машинально вспомнила собственный колледж — кофейный автомат на втором этаже, стол возле окна в библиотеке, заявку на перевод. Всё это существовало утром и вдруг стало недостижимым.

Она достала телефон и убедилась, что индикатор сети по-прежнему пуст; попытка обновить почту закончилась ошибкой.

— Сюда, — сказал Кассиан.

У двери с табличкой «Регистрационная служба» Эвелин задержалась, уже заранее не доверяя слову «регистрация».

— Надеюсь, здесь не собираются снова выяснять, существую ли я.

— Здесь им важнее, учились ли вы раньше.

После Канцелярии такой критерий звучал почти утешительно.

Женщина за столом представилась как госпожа Лорен, затем просмотрела бумаги Канцелярии, паспорт Эвелин и её учебные документы.

— Подтверждение предыдущего обучения есть?

— В телефоне.

Эвелин нашла сохранённую выписку с оценками, студенческий документ и письмо о поданной заявке на перевод. Женщина надела очки и быстро просмотрела файлы.

— Вы действительно собирались переводиться.

— Да.

— И вместо этого оказались здесь.

— Не по собственному выбору.

Отложив телефон, госпожа Лорен объяснила, что Веспер может принять заявление на временный статус и разместить Эвелин на территории академии, пока его рассматривают.

— Этого достаточно для Канцелярии?

— Если статус подтвердят до окончания поручительства, у вас появится официальное основание оставаться здесь.

— А если не подтвердят?

— До конца семидесяти двух часов поручительство останется в силе. После этого Канцелярия вернётся к полной проверке.

Закрытая дверь на станции снова возникла в памяти, и Эвелин невольно сверилась с часами на стене.

— Решение успеют принять за три дня?

— Я передам материалы сегодня.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

По крайней мере Лорен не пыталась скрыть неопределённость за длинной формулировкой. Эвелин выдохнула и приняла протянутый ей лист временного размещения.

Прочитав документ полностью, она поставила подпись.

— Свободных одиночных комнат нет. Вас поселят в северном общежитии.

Лорен сверилась со списком, пробежав пальцем по нескольким строкам.

— Комната триста четырнадцать. Мира Роу.

Обычный металлический ключ в её ладони выглядел почти абсурдно нормальным после всего, что произошло на станции.

— А Морри?

Лорен посмотрела на переноску, где кошка уже снова устроилась клубком.

— Если животное не создаёт проблем, пусть остаётся с вами.

Морри тихо мяукнула, и Эвелин машинально коснулась пальцами решётки переноски.

— Она услышала условие.

Убирая документы в папку, Лорен велела утром уточнить статус заявления и пообещала, что Эвелин найдут раньше, если решение появится до этого.

В коридоре Кассиан остановился у лестницы.

— Дальше вы справитесь сами.

— И всё?

— На сегодня — да. Документы поданы, место у вас есть.

— А вы получите информацию, если что-то изменится.

— Пока действует поручительство.

Эвелин кивнула: по крайней мере Кассиан прямо подтвердил, что получает сведения по её делу.

— Вы хотите выяснить, почему у меня нет записи.

— Да.

— Почему?

Кассиан выдержал короткую паузу перед ответом:

— Потому что подобного быть не должно.

— Этого достаточно, чтобы ввязаться в чужую проблему?

— Для меня — да.

Кассиан больше ничего не добавил, и Эвелин не стала продолжать этот вопрос. Когда он уже собирался уходить, она вспомнила об Эйдене.

— Подождите. Эйден.

— Что с ним?

— Я увидела его на станции. Он исчез несколько лет назад.

— Из Ноктариса?

— Из моей жизни.

При имени Эйдена между бровями Кассиана появилась лёгкая складка.

— Я его не знаю.

Он ответил без колебаний, и Эвелин не нашла в этой реакции ничего, за что можно было бы зацепиться.

— Если услышите это имя...

— Я дам вам знать.

— Спасибо.

Кассиан кивнул и ушёл, а Эвелин осталась с металлическим ключом в ладони. Комната триста четырнадцать была хотя бы конкретным местом, куда можно идти.

Северное общежитие оказалось в соседнем корпусе, но добраться туда с первого раза не получилось. Сначала лестница привела Эвелин в читальный зал, затем другой переход закончился закрытой дверью, и после второй ошибки она перестала притворяться, что понимает план академии.

Первый встречный студент указал дорогу через галерею и направо после лестницы, затем скользнул взглядом по переноске, сумке и бумагам в руках Эвелин.

— Ты новая?

— Настолько заметно?

— Немного.

Он уже собирался идти дальше, и это неожиданно успокоило Эвелин: у студентов были собственные дела, а новая девушка с кошкой не казалась событием, требующим отдельного внимания.

Одна студентка прошла по коридору, удерживая зубами карандаш и одновременно пытаясь застегнуть сумку. Кто-то спорил из-за занятой ванной, из комнаты доносилась музыка.

Академия не ждала её появления и продолжала жить своей жизнью.

Комнату триста четырнадцать Эвелин нашла в конце длинного коридора и постучала; почти сразу за дверью что-то упало.

— Если опять из-за окна, оно было таким до меня.

— Не из-за окна.

После короткой паузы дверь открыла девушка примерно её возраста: тёмные волосы собраны кое-как, на щеке тонкая полоска земли, в одной руке маленькие садовые ножницы, в другой — кружка.

Её внимание сразу перешло с Эвелин на переноску.

— Мне никто не сказал про кошку.

— Мне вообще довольно мало что сказали.

— Ты кто?

— Эвелин. Меня поселили сюда.

В подтверждение она подняла металлический ключ с номером комнаты.

Девушка сверилась с номером на двери.

— Значит, ты новая соседка.

— А ты Мира?

— Да. Заходи.

В голосе не было ни особой радости, ни раздражения — только принятие внезапного факта.

По обстановке сразу было ясно, что комната рассчитана на двоих. Одна половина давно стала Мириной: книги в два ряда, растения на подоконнике, банки и коробки с чаем, бумаги на столе.

Вторая почти пустовала: кровать, шкаф, стол и сложенное постельное бельё.

Мира заметила, как Эвелин осматривает свободную половину.

— У меня до сегодняшнего дня не было соседки.

Поставив переноску на пол, Эвелин сразу заметила, как Мира переставила кружку подальше от края стола и только потом указала ножницами на растения.

— Кошка их ест?

— Обычно нет.

Морри посмотрела прямо на ближайший горшок.

— Поправка. Постараюсь не дать.

— Хорошо.

Когда Эвелин открыла дверцу, Морри вышла, потянулась, обнюхала кровать и направилась к подоконнику.

— Морри.

Кошка остановилась, заставив Миру коротко хмыкнуть.

— Слушается.

— Когда ей выгодно.

Сев на край кровати, Эвелин только теперь позволила себе почувствовать накопившуюся усталость. Болело плечо, ноги ныли после долгой ходьбы, а красная полоса от ручки переноски всё ещё пересекала ладонь.

Утро казалось случившимся очень давно: ветеринар, метро, заявка на перевод — всё это относилось к жизни, которая ещё несколько часов назад была единственной.

Убрав с пальцев приставшую землю, Мира кивнула на единственную сумку Эвелин.

— А вещи?

— Все здесь.

— Ты приехала сегодня?

— Да.

— И тебя сразу поселили?

— Да.

— Курс?

— Пока нет.

— Направление?

— Тоже пока нет.

Мира прислонилась к столу, и её взгляд стал внимательнее.

— Ты вообще студентка?

Эвелин на секунду задумалась, насколько честно можно ответить на этот вопрос.

— Моё заявление рассматривают.

— Ясно.

По тону было понятно, что ничего Мире не ясно, но давить она не стала. Вместо этого кивнула на свою половину комнаты.

— Моё без спроса не бери. Растения не трогай. Чай бери любой, только красную коробку не трогай.

— Почему?

— Там почти ничего не осталось.

— Хорошо.

Мира перевела ножницы в другую руку; Морри в это время уже изучала ножку стола.

— Если начнёт копать землю в горшках, будишь меня даже ночью.

— Договорились.

Обычный разговор о чае и растениях неожиданно успокаивал.

— У меня занятие, — сказала Мира, собирая со стола несколько тетрадей.

У двери она задержалась и добавила:

— Лорен прислала уведомление о заселении минут за десять до тебя. Обычно сначала приходит нормальная карточка студента, с курсом и программой.

Эвелин сразу напряглась, потому что это слишком хорошо совпадало с её собственными подозрениями.

— А здесь?

— Только имя и номер комнаты. Не моё дело, просто странно.

Мира пожала плечами, подхватила тетради и вышла на занятие.

Когда дверь закрылась, Эвелин ещё несколько секунд смотрела ей вслед. Мира назвала несостыковку и ушла, не задавая новых вопросов, — после Канцелярии такая сдержанность была почти приятной.

Оставшись одна, Эвелин попыталась привести день хоть в какой-то порядок и первым делом написала матери:

Всё нормально. Телефон плохо ловит. Напишу позже.

Сообщение осталось неотправленным, поэтому она положила телефон экраном вниз и вернулась к бумаге Веспера.

Заявление принято к рассмотрению.

Под строкой стояло время оформления, от которого уже можно было отсчитывать оставшиеся часы.

Семьдесят два часа продолжали идти совершенно обычным способом, минута за минутой. Если Веспер откажет, Эвелин снова окажется перед Канцелярией, а значит, до этого нужно хотя бы понять, какие у неё есть варианты, и всё-таки найти Эйдена.

Он был единственным здесь, кого Эвелин знала раньше, даже если на станции ушёл, не остановившись на её оклик.

— С него и начнём.

Морри, до этого сидевшая на подоконнике, прыгнула на пол и подошла к двери.

— Нет.

Кошка мяукнула, поднялась на задние лапы и ткнула дверь передними.

— Тебе обязательно всё исследовать сегодня?

Морри повторила попытку, и Эвелин, уступая скорее собственному беспокойству, чем кошачьей настойчивости, поднялась.

— Пять минут.

В коридоре Морри на этот раз не побежала, а медленно пошла вдоль стены, иногда останавливаясь и приносясь. У приоткрытой двери она задержалась, сунула нос в щель, откуда тянуло едой, но через несколько секунд потеряла интерес и двинулась дальше. Добравшись до лестницы, кошка спустилась на площадку и продолжила ниже, несмотря на оклик Эвелин.

Они спустились ещё на этаж, почти не встретив людей, после чего Морри свернула в узкий боковой коридор. Ковровая дорожка там заканчивалась, под ногами оставался голый камень, а редкие светильники оставляли между собой более тёмные участки стены.

В конце стояли хозяйственные шкафы и тёмная дверь с металлической табличкой:

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОХОД. ЗАКРЫТО

Морри остановилась перед дверью, обнюхала щель у пола, и шерсть вдоль её спины начала подниматься.

Эвелин замедлила шаг, вспоминая почти такую же реакцию кошки в дальнем вагоне.

— Морри.

Кошка не отреагировала, поэтому Эвелин подошла ближе и взяла её на руки. Морри напряглась, продолжая смотреть на закрытый проход.

Дверь выглядела совершенно обычно: тёмное дерево, металлическая ручка и замочная скважина. За ней вполне мог находиться склад, лестница или технический коридор, но это не объясняло кошачье рычание.

Эвелин отступила на полшага и прислушалась.

Сначала из-за стены донёсся слабый низкий гул. Через несколько секунд к нему добавил мерный металлический рокот, настолько знакомый, что Эвелин сильнее прижала Морри к груди.

Звук напоминал поезд и приближался так отчётливо, будто рельсы проходили прямо за дверью. Рокот нарастал, прошёл совсем рядом и начал удаляться, хотя пол под ногами не дрогнул и воздух в коридоре остался неподвижным.

Когда рокот стих, Эвелин несколько секунд пыталась решить, не дорисовывает ли воображение связь, которой нет. Но если за служебной дверью действительно проходил поезд, этот проход мог иметь отношение к составу, который привёз её в Ноктарис, а значит — и к возможному маршруту домой.

Морри по-прежнему была напряжена у неё на руках.

— Что за...

Эвелин подошла ближе и прислушалась, однако за деревом уже стояла тишина. Она осторожно потянулась к ручке, собираясь хотя бы проверить, заперта ли дверь. Морри сразу зашипела, и Эвелин остановилась прежде, чем пальцы коснулись металла.

Через несколько секунд за дверью кто-то вдохнул — совсем близко, будто человек стоял непосредственно по другую сторону. Затем раздался тихий, хриплый и до боли знакомый голос:

— Не открывай.